

На соискание
Государственной
премии СССР

ИЗ ТЬМЫ — К СВЕТУ

...Стены обветшалою деревянного храма. Вкривь и вкось — иконы. Вот-вот оборвутся, рухнут... Сквозь прозрачность занавеса высвечиваются очертания глухой деревушки. Веет холодком от кондовости и затерянности этого непонятного и вместе с тем знакомого по книгам мира. На переднем плане — истово молящийся могучий мужчина с всклокоченными бородой и волосами: Магара.

Так начинается спектакль «Виринея», поставленный Смоленским областным драматическим театром (режиссер Анатолий Кузнецов, художник-постановщик Константин Гусев). С первых секунд действие захватывает зрителя предельной художественной достоверностью происходящего на сцене, складывающейся из внимания режиссера к мельчайшим деталям обстановки, быта, поведения героев и персонажей, стремления проникнуть в глубину их мыслей и поступков, выявить первопричины рождения и диалектики характеров.

Мы знаем о классической постановке А. Д. Поповым «Виринея» на сцене вахтанговского театра. Свою работу Попов начал с текста далеко не совершенной инсценировки Л. Сейфуллиной и В. Правдухина. Он шел к главному, что составляло непреходящую ценность повести Сейфуллиной, — показу рождения под влиянием приближающейся революционной бури нового мироощущения у людей глухой сибирской деревни. А. Кузнецов начал работу тоже с редакции текста. Было отброшено многое второстепенное, не влияющее на ход действия или развитие его главных линий. В центре спектакля встали Виринея и Магара как представители народной массы. Их судьбы — увеличительное стекло, сквозь которое видишь время и его движение.

...Истово молится Магара. Как назойливую муху, отгоняет он от себя жену. В жесте — своеобразие, мужское превосходство. Где ей бабьим умом понять, что на него нашло «козрение», что бог зовет его молиться не только за себя, но и за окружающих, за их избавление от кровавой войны и нужды.

С первых минут С. Чередников рисует своего героя размашисто, колоритно.

К прозрению, истине он идет трудно, но бескомпромиссно. В вербное воскресенье взбудоражил Савелий Магара всю деревню. Пришел домой с огромным деревянным крестом на плече. И лег помирать. Эта сцена — одна из наиболее ярких и напряженных в спектакле. Ее отличает предельная ансамблевость. С каким вдохновением и упоением поют односельчане Магары «Святой боже», веруя, что чудо вот-вот свершится! Но идет время, и хор расстраивается, как бы распадаясь на отдельные речитативы.

Устал старший брат Савелия Федот (В. Кабанов) читать псалмы над «умирающим», косит глазом из-за молитвенника.

— Ты зажмурь глаза-то покрепче, зубы сожми.

— А дух-то, он в другое место выйдет, — смеется молодой солдат Степан (А. Руин), разбитной, улыбочивый.

Осмеянный, униженный Савелий Магара страшен в неистовом гневе. И гнев его — не на односельчан, а на бога, который (он уверен в этом) обманул его.

Нет истины у бога, тогда, может быть, она есть в вине, пьяном разгуле? Магара должен пройти и это. Сергей Чередников тонко и логично показывает переход Савелия из одного состояния в другое, противоречивость его характера. И в каждом повороте души этого чело-

века зритель ощущает жажду найти истину, выход к свету. Он сочувствует Магаре. И радуется за него, когда он находит. Выход не в слепой ненависти к власти имущим, а в сознательной борьбе за переустройство жизни на революционных началах.

Виринею, как и Савелия, тяготят скудость духа, придаленность окружающих, тяготит ее и жизнь с человеком, в котором она обманулась. Актриса Евгения Иванчук очень тонко передает поэтичность натуры своей героини. Ее Виринея чутка к настоящей беде и глуха к горю поддельному, за которым стоят корысть, себялюбие. В пластика движения, в молчаливом монологе ее порой больше сказано, чем в словах. Ушла она от ничтожного нелюбимого Василия (В. Макаров). Разгоряченная пляской, пьяная от обретенной свободы, тает она в руках обольстителя-инженера (Г. Лапето). И вдруг — Василий. Виринея не говорит ни слова. Но видим мы, гаснет огонь в ее глазах, закипает злость на свою минутную слабость.

И становится понятно, что связало Виринею в свое время с Василием: природная доброта, жалость к слабому духом, желание сделать его сильнее, а еще — естественное желание иметь ребенка, семью. Не оправдал ее надежд Василий. Не может дать ей полного счастья и инженер. А половинчатость претит бескомпромиссности Виринеи.

Если бунт Савелия Магары идет от не желающего дремать ума, бунт Виринеи — от избытка несломленного, ищущего высокой чистоты чувства.

В спектакле встреча ее с Павлом (В. Опалев), бывшим солдатом, большевиком, становится кульминационной в развитии характера героини. На первый взгляд, не произошло ничего особенного. Встретились двое. Поговорили, заключили довольно зыбкий деловой союз. Но в паузах этого разговора сказано столько, что зал сердцем чувствует рождение чего-то необычного, большого. Зал притих. Ловит каждое слово, взгляд, движение Виринеи и Павла.

Светла и вдохновенна любовь этих двух людей. Она несет счастье не только им самим, но и тем, кто борется вместе с ними за народное счастье.

Виринея, Магара и сотни их земляков идут из тьмы к свету на ощупь. Есть в спектакле сцена, которая показывает процесс пробуждения сознания особенно рельефно — это выборы в учредительное собрание. Режиссер выстраивает ее так, что каждый участник массовки становится индивидуальностью, имеет свое лицо, характер, биографию. С одной стороны —

народ, почувствовавший ветер свободы. Это Павел, Виринея, Степан, Магара и другие. С другой — казенные люди: писарь (А. Юклевский), человек себе на уме, не понимающий, зачем нужны эти выборы, и тяготящийся своей должностью секретаря избирательной комиссии; далекий от жизни учитель (К. Завистовский), председатель комиссии; с третьей — ненавидящий и презирающий гольтебу дядя Виринеи Антип (С. Перкович), стремительный, злой и хитрый заводчик (Б. Александров). Трудно примирить их. И словесная потасовка, с которой начинаются выборы, выливается в драку, а сами выборы становятся карикатурой. «Обман», — говорит о них Савелий Магара.

Но за внешней карикатурностью не исчезает серьезный смысл сцены: произошло размежевание сил, люди, почувствовавшие запах свободы, поняли, что ее без борьбы не удержат.

Возвращение к темноте, забитости уже невозможно. Уловив смысл происходящего, улыбается единственный активный член избирательной комиссии Павел Сулов. Знает он: люди пришли в движение и остановить движение к свету не может никто.

Духом истинной народности веет от сцены посиделок, пылом молодости — от плясок встречающих вербное воскресенье (балетмейстер П. Городницкий).

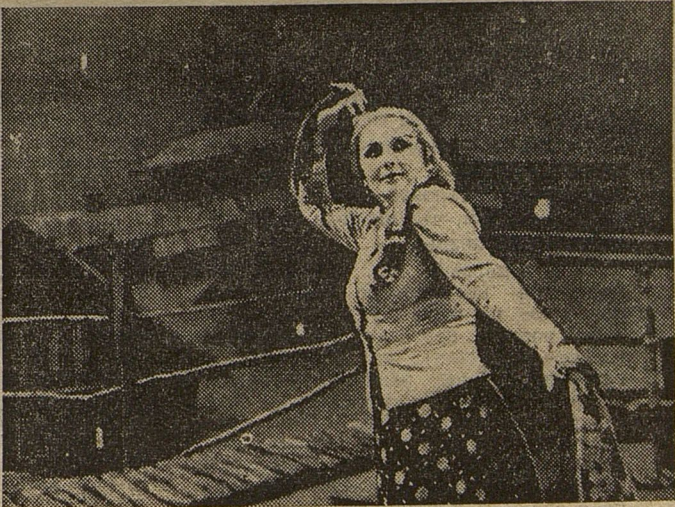
Драматичен финал спектакля. Ползет к дому смертельно раненая Виринея. Ползет из последних сил, чтоб выполнить материнский долг — накормить плачущее дитя. Ее последние слова и мысли не о себе, а о Павле, ребенке. Восходит над деревней солнце. Его теплый свет оживает мертвое дерево построек. Жизнь продолжается. И кажется, вот-вот свалются со стен лики святых, олицетворяющие смирение и рабоплеие.

Режиссерскую трактовку А. Кузнецова отличает верность лучшим реалистическим традициям советского театра, умение расставить акценты так, что действие волнует, вызывает ассоциации с днем нынешним, его проблемами. Режиссер не строит жесткой конструкции, дает простор фантазии, инициативе актера. Отсюда жизненная наполненность постановки, те индивидуальные находки, которые делают время на сцене достоверным.

Спектакль идет более двух часов. Но он не утомляет. Волнение, внимание, сопереживание зрителю чувствуешь на всем его протяжении. Судьба тех, кто делал революцию, их жизнь, подвиг не могут не волновать.

Вл. ПАНТЕЛЕЕВ

СМОЛЕНСК

Смоленский драматический театр. Л. Сейфуллина. «Виринея». Е. ИВАНЧУК в главной роли.